

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2019 Vol. 2 №4 (6)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

**07.00.00 «Исторические науки и археология»,
22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».**

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

**22.00.00 “Sociological Sciences”,
23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.**

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 09.12.2019. Подписано в печать 25.12.2019. Выход в свет 26.12.2019.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 3,6. Тираж 550 экз. Заказ № 78.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верецагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Дань Ч.

Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества КНР и России в сфере высшего образования в условиях вызовов глобализации 10

Майра С. И.

Субъекты гражданского диалога в преодолении этнических конфликтов 17

Цкуа С.В.

Некоторые аспекты политической и экономической интеграции Абхазии в Российскую империю во второй половине XIX века 25

Мухина К.С.

Профессиональное становление российской молодежи в фокусе социологического дискурса 29

Герасимов М.В.

Жизненное проектирование молодежи в условиях информационной эпохи: особенности научного дискурса 36

Информация для авторов 44

CONTENTS

YOUTH FORMAT

Dan Zh.

Problems and prospects of cross-border cooperation of the PRC and Russia in the sphere of higher education in the conditions of globalization challenges 10

Maiga S. I.

Subjects of civil dialogue in overcoming ethnic conflicts 17

Tskua S.V.

Some aspects of the political and economic integration of Abkhazia into the Russian empire in the second half of the XIX century 25

Mukhina K. S.

Professional formation of Russian youth in the focus of sociological discourse 29

Gerasimov M. V.

Life projection of youth in the information age: peculiarities of scientific discourse 36

Information for Authors 44

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

УДК 316

Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества КНР и России в сфере высшего образования в условиях вызовов глобализации**Ч. Дань***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению китайско-российских отношений, активно развивающихся в сфере высшего образования. Проведенное исследование позволило выявить ряд ключевых проблем в развитии образовательного сотрудничества России и Китая, а также предложить модифицированную модель образования, основанную на известной в Европе модели под названием «сэндвич». Новая модель позволит студентам более гибко адаптироваться к социокультурным и языковым особенностям каждой из стран и успешно осваивать теоретические и практические блоки образовательных программ.

Ключевые слова: образование; высшее образование; университет; китайско-российское сотрудничество; трансграничное сотрудничество; глобализация, регионализация.

Для цитирования: Дань Ч. Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества КНР и России в сфере высшего образования в условиях вызовов глобализации // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2. №4. С. 10-16.

Problems and prospects of cross-border cooperation of the PRC and Russia in the sphere of higher education in the conditions of globalization challenges**Zhao Dan***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of Sino-Russian relations, which are actively developing in the field of higher education. The study made it possible to identify a number of key problems in the development of educational cooperation between Russia and China, as well as to propose a modified model of education based on the model known in Europe called the "sandwich". The new model will allow students to more flexibly adapt to the socio-cultural and linguistic characteristics of each country and successfully master the theoretical and practical blocks of educational programs.

Keywords: education; higher education; university; Sino-Russian cooperation; cross-border cooperation; globalization, regionalization.

For citation: Dan Zh. Problems and prospects of cross-border cooperation between the PRC and Russia in the field of higher education in the context of the challenges of globalization // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №4. P. 10-16.

Глобализация – одна из важнейших характеристик современного общества. Это не только исторический процесс, но и новая идеология (*Старостин, 2018*). Как процесс социальных изменений, глобализация оказала глубокое влияние на трансграничные проблемы во всех сферах общественной жизни. Что касается высшего образования, глобализация способствовала формированию рынка высшего образования, росту приватизации, продвижению децентрализации, осуществлению подотчетности и развитию трансграничного высшего образования (*Цзян Кай, 2012*).

Именно в эпоху глобализации евразийский регион приобретает особый геополитический статус и становится важной частью международной конкуренции, превращается в достаточно хаотичную область мировой организационной структуры (*Гайдаев, 2018*). При этом ведущие мировые державы достаточно часто обновляют свою стратегию развития в евразийском регионе, тесно связанном с их реальными интересами.

В геоэкономической и геополитической перспективе Китай и Россия, благодаря своим богатым ресурсным возможностям, диверсифицированной экономической структуре, многочисленным межрегиональным транспортным коридорам и т.д., ока-

зывают достаточно сильное влияние на международный рынок труда, играют важную роль в развитии мира и евразийского региона. Чтобы подготовить высококвалифицированных специалистов, которые будут служить развитию этого региона и всего мира, требуется углубление сотрудничества в сфере высшего образования Китая и России.

Евразийский регион в XXI веке обладает огромным потенциалом для развития, следовательно, остро стоит проблема, связанная с тем, как спланировать и спроектировать будущую форму «Новой Европы и Азии», как сбалансировать будущее развитие Европы и Азии в условиях глобализации и регионализации, его универсальности и локальности, местной специфики и открытости (Ван Цинсонг, 2016). Сказанное актуализирует проблему развития сотрудничества между странами и народами Евразии, а образование, особенно высшее образование, рассматривается как важнейший ресурс в решении данной проблемы.

Для решения задач, стоящих перед исследователями тенденций влияния глобализации и евроазиатской интеграции, было бы весьма полезным изучение процессов функционирования реально существующих межгосударственных объединений, представляющих опыт организации систем образования, в том числе и высшего образования. С этой точки зрения речь может идти, в первую очередь о Болонском процессе, который стал первым Европейским рамочным соглашением о реформе высшего образования, предложенным 29 европейскими странами в Болонье в 1999 году. Целью соглашения изначально являлось осуществление реформы высшего образования в Европе и создание европейской зоны высшего образования к 2010 году.

Сегодня уже можно сказать о том, что Болонский процесс реализуется в контексте глобализации и европейской интеграции высшего образования, выступая основанием трансграничного сотрудничества, межэтнического и межкультурного обмена в области высшего образования европейских стран. Такой процесс в основном включает обмены преподавателями и студентами, международное совместное образование, исследование международного сотрудничества в отрасли высшего образования и взаимодополняемость международных образовательных ресурсов.

Болонский процесс сыграл важную роль в реформе европейского высшего образования. Его опыт заслуживают изучения и прежде всего: укрепление регионального сотрудничества в области высшего образования для решения проблем глобализации, создание академической структуры высшего образования с универсальностью и гибкостью, внедрение системы перевода кредитов для создания более удобных образовательных возможностей для студентов, создание системы контроля и сертификации качества и др. В рамках исследования изменений в системе высшего образования в условиях глобализации и евроазиатской интеграции изучение опыта Болонского процесса может стать хорошим источником для лучшего понимания и реализации сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования.

Что касается противоположного полюса евразийского образовательного пространства, то изначально следует рассмотреть возможности сближения и гармонизации высшего образования России как связующего звена между классической европейской системой и одной из самых развитых образовательных систем азиатского типа цивилизации – Китая. Предварительно следует оговорить, что процессы глобализации и евроазиатской интеграции уже имеют свою историю, результаты которой меняют сложившиеся системы образования в рамках мирового образовательного пространства. С этой точки зрения, следует отметить, что высшее образование Китая и России, с позиций организационного строения, имеет достаточно много общего с европейским высшим образованием: их системы высшего образования находятся в числе лидеров глобализации высшего образования; высшее образование этих стран

контролируется государством, большая часть образовательных организаций принадлежит государству, а частные университеты занимают небольшую долю в числе всех образовательных учреждений.

В последние годы реформы высшего образования Китая и России достигли высоких результатов, столкнувшись при этом с некоторыми проблемами. В частности, для Китая – это тенденции регионализации, весьма противоречивые по своему характеру. С одной стороны, речь идет о развитии региональных моделей образования в различных частях страны, которые выстраиваются с учетом социально-экономических факторов, а также ряда других – экологических, социокультурных, демографических, этнических и т.д. Данные факторы определяют стратегические направления развития высшего образования, а также цели, структуры и приоритеты в образовательной политике.

Таким образом, основная проблема Китая на современный день – создание региональной модели образования, которая не будет носить характер независимой, а будет взаимодополняющей.

С другой стороны, тенденция регионализации в процессе глобализации символизирует развитие национальной образовательной системы Китая в процессе интеграции в международное сообщество. Регионализация в этом контексте тесно связана с интернационализацией образования и выражается в попытке создать единое образовательное пространство не только с тенденцией китайского развития, но и тенденцией образования во всем мире (Цуй, 2007).

В последние годы китайско-российские отношения развиваются достаточно интенсивно, в том числе и в сфере образования. В этой связи актуально стоит вопрос о поиске более эффективной модели образовательного сотрудничества Китая и России.

Надо отметить, что сегодня совместный китайско-российский проект в области высшего образования основан на внедрении российских образовательных ресурсов. Согласно данным мониторинга «Национальные китайско-иностранные кооперативные образовательные учреждения и информация, связанная с проектами», выпущенная китайско-зарубежной информационной платформой по надзору за обучением Министерства образования Китая (Список учреждений..., 2017), по количеству установленных связей с университетами Россия является пятой по величине страной мира в области китайско-иностранных сотрудничества в управлении вузами. По состоянию на декабрь 2016 года Китай ввел российские образовательные ресурсы для открытия 116 китайских совместных проектов в области образования, на которые приходится 6,9% от общего количества китайско-иностранных проектов совместного обучения. Среди 116 российских образовательных ресурсов, внедренных в Китае, 3 программы магистратуры, 105 бакалаврских программ и 8 специализированных проектов. Но в настоящее время существует только одно учреждение для китайских университетов, которое открывает зарубежную совместную образовательную программу в России (Китайско-Российский транспортный колледж, созданный Пекинским Университетом Цзяотун в 2015 году, и Санкт-Петербургский университет в России), этот колледж является первым заграничным учебным заведением китайских университетов в области техники транспорта.

Можно сказать, что в целом китайско-российское трансграничное сотрудничество в области высшего образования имеет благоприятную тенденцию развития, однако, анализ деятельности имеющихся китайско-российских высших учебных заведений позволяет ученым Китая выделить следующие проблемы в отрасли трансграничного сотрудничества Китая и России:

– социальная значимость от совместного (китайско-российского) образования не очевидна. Образовательное сотрудничество России и Китая не привело пока к ре-

ализации цели реформирования высшего образования, не способствовало повышению его качества в указанных странах и международной конкурентоспособности;

– низкое качество некоторых китайско-российских образовательных учреждений серьезно сказалось на общей репутации. В некоторых совместных образовательных учреждениях наблюдаются такие негативные явления, как незаконное зачисление студентов, необоснованные финансовые сборы и неудовлетворительные условия для учебной деятельности (*Го Цян, Чжао Фэнбо, 2017*).

Чтобы улучшить текущую ситуацию и развить китайско-российское трансграничное сотрудничество в сфере высшего образования, Правительства Китая и России решили открыть новую модель сотрудничества в области высшего образования. В декабре 2013 года Московский государственный университет имени Ломоносова (далее – МГУ) впервые предложил Китаю совместно создать университет на территории Китая. В феврале 2014 года под руководством Министерства образования Китая и Шэньчжэньского муниципального народного правительства был выбран Пекинский политехнический институт (далее – ППИ) в качестве партнера по сотрудничеству. 6 мая 2016 года в Шэньчжэне состоялась церемония закладки кампуса Шэньчжэньский МГУ-ППИ Университета.

Университет был официально учрежден Министерством образования КНР и стал первым китайско-российским партнерским университетом с соответствующим правовым статусом. 13 сентября 2017 года состоялось официальное открытие этого университета (*Чжан Ливэй, Сюй Линглин, 2018*), который привлек к себе значительное внимание как в Китае, так и в России. Этот новый университет стремится проводить образовательную и исследовательскую деятельность, используя высокий потенциал МГУ и ППИ, поддерживая и развивая культурное, образовательное и научное сотрудничество Китая и России, подготавливая специалистов высоко профессионального уровня. При этом большое внимание уделяется формированию нравственных качеств молодых специалистов с ориентацией на принципы гуманизма, что немаловажно в наш агрессивный и порой очень жестокий век.

В отношении дисциплинарного наполнения образования в университете, следует заметить, что Шэньчжэньский МГУ-ППИ Университет отвечает потребностям стратегического развития Китая и России, что выражается в создании интегрированных дисциплин, синтезирующих в рамках учебных программ теорию и практику, что нетипично для традиционных китайских университетов. В образовательном процессе используются современные интерактивные методы, ориентированные на формирование познавательной самостоятельности студентов. В целом, Шэньчжэньский МГУ-ППИ Университет реализует свои цели и задачи благодаря использованию междисциплинарных программ профессиональной подготовки и обучения, а также сочетая традиции и инновации в образовательных практиках (*Официальный сайт Шэньчжэньский..., 2019*).

При всем том, что Шэньчжэньский МГУ-ППИ Университет сделал достаточно много в рамках развития китайско-российского сотрудничества в сфере образования, неизбежные проблемы все-таки возникли в ходе его деятельности. Среди них:

– сложности языковой адаптации китайских студентов, которые никогда не изучали русский язык. Естественно, обучение на этом языке создает огромные сложности и приводит порой к чрезмерному стрессу в во время учебы;

– частая смена преподавателей ввиду того, что преподавателям из России (из МГУ) сложно оставаться надолго в Китае, что также негативно сказывается на процессе и результатах обучения;

– слабое информационное освещение деятельности данного университета, репутация которого не столь высока, как он того заслуживает, из-за низкого авторитета некоторых китайско-российских совместных университетов.

Учитывая вышесказанное, с точки зрения обеспечения долгосрочных интересов Китая и России, необходимо рассмотреть вопрос о трансграничном высшем образовании между двумя странами со стратегической точки зрения. Строительство китайско-российских отношений требует взаимного доверия между правительствами и признания и поддержки общественности. Культурные и образовательные обмены являются важными каналами и мостами для формирования и развития более крепких и доверительных отношений между Россией и Китаем. Состояние китайско-российского сотрудничества в области высшего образования дает основание полагать, что обеим странам необходимо повышать уровень и авторитет национального высшего образования, создавать хороший имидж и бренд высшего образования за рубежом, расширять международную популярность России и Китая как привлекательных для обучения.

В целях реализации указанных направлений развития международных связей в образовательной сфере необходимо разрабатывать новые формы китайско-российского сотрудничества путем апробации различных моделей организации образовательных систем, соответствующих новым требованиям, предъявляемым к качеству высшего образования в условиях глобализации и евроазиатской интеграции. В частности, в рамках китайско-российского сотрудничества возможно рассмотреть потенциал модели, известной под названием «Сэндвич».

В обычных условиях модель «Сэндвич» применяется для обучения в высших профессиональных колледжах, однако, если мы хотим реализовать более широкий круг дисциплин китайско-российского сотрудничества в сфере высшего образования и иметь возможность готовить профессионалов высокого класса, важно сочетать возможности известной модели с потенциалом новой модели. В итоге «Новый сэндвич» может стать образовательной моделью совместного образования по типу «учиться у друг друга».

Модель «сэндвич» – это модель обучения интеллектуалов, основанная на опыте организации высшего образования в Великобритании. Суть ее состоит в том, что на протяжении всего процесса обучения теоретическое обучение и практика обретения навыков профессиональной состоятельности чередуются. Основной принцип состоит в том, чтобы пройденное теоретическое базовое обучение воплощалось студентами на практике с последующей рефлексией степени овладения теоретическим знанием для достижения цели получения образования. Модель «сэндвич» дает возможность во время теоретических и практических занятий не ограничиваться фиксированным семестром. В большинстве вузов Великобритании первый год и последний год обучения отводятся на теоретическую подготовку, а в средние два-три года формируются навыки практической деятельности (в некоторых университетах в первые два года читается теоретический курс).

Модель «сэндвич» характеризуется созданием в образовательном процессе системы обратной связи по отслеживанию качества стажировки студентов, и план профессионального развития составляется в соответствии с их успеваемостью и проблемами во время стажировки. Но проблема в том, что это предъявляет высокие требования: с одной стороны, к системе профессиональной оценки вузов; с другой, – к качеству специальных психологических навыков преподавателей. С точки зрения студентов, эта модель позволяет решить финансовые трудности, связанные с расходами на образование, что делает более привлекательной и популярной эту модель образования. Недостаток этого режима обучения состоит в том, что система теорети-

ческого обучения нарушается, и это не способствует общему построению структуры знаний студента.

Оптимизированная модель «новый сэндвич» для китайско-российского совместного высшего образования также в своей основе содержит позиции вышеупомянутой модели «Сэндвич», однако, сочетая реалии китайско-российского образовательного процесса и пространства, логично предложить следующий формат обучения в рамках данной модели: «*практика + теория + практика*». Это позволяет избежать недостатков прерывания теоретического обучения, как это происходит в обычной модели, практикуемой в других странах.

В предлагаемой конкретной модели применяется структура «1 + 2 + 1»: сначала необходимо выполнять ознакомительную профессиональную практику в своей стране. После окончания практики студенту следует вернуться в образовательный процесс, чтобы прослушать фундаментальные теоретические и языковые курсы, после чего наступает период стажировки (в российской или китайской компании, или в китайско-российском совместном предприятии). Такая модель позволяет сформировать прочный теоретический базис и обеспечить подготовку студентов для удовлетворения конкретных потребностей китайско-российского сотрудничества.

Литература

1. Вань Цинсонг. Евразийский момент политики великой державы – эволюция познания Евразии и ее последствия с точки зрения геополитической экономики // Исследование России. 2016. № 1.
2. Гайдаев О.С. Китайско-индийское соперничество в Евразии: возможности и риски для России // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1(1). С. 140–151.
3. Го Цян, Чжао Фэнбо. Китайско-российское трансграничное высшее образование в рамках стратегии «Пояс и дорога» // Исследование китайского высшего образования, 2017. № 7. С. 56–61.
4. Официальный сайт Шэньчжэньский МГУ-ППИ Университет (2019). Режим доступа: <http://www.szmsubit.edu.cn/xxgk/xxjj.htm>
5. Список учреждений и проектов, одобренных и рассмотренных Министерством образования (2017). Режим доступа: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>
6. Старостин А.М. Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1(1). С. 27–35.
7. Цзян Кай. Тенденция политики высшего образования в эпоху глобализации и ее критический анализ // Науки образования высшего образования. 2012. № 3. С.13–19.
8. Цуй Х. Состояние и тенденции трансформации китайского образования в условиях глобализации. // Вестник ЧитГУ. 2007. № 1. С.63.
9. Чжан Ливэй, Сюй Линглин. Внедрение качественных образовательных ресурсов для продвижения китайско-российской образовательной биржи – интервью с Чжао Пин, президентом Шэньчжэньского МГУ-ППИ Университета [Интервью, финиширование] // Всемирная образовательная информация. 2018. № 15. С. 18–20.

References

1. Wan Qingsong. The Eurasian moment of the politics of a great power - the evolution of knowledge of Eurasia and its consequences from the point of view of geopolitical economics // Issledovanie Rossii. 2016. No. 1.
2. Gaidaev O.S. Sino-Indian Rivalry in Eurasia: Opportunities and Risks for Russia // Caucasian Science Bridge. 2018. No. 1 (1). P. 140-151.
3. Guo Qiang, Zhao Fengbo. Sino-Russian Cross-Border Higher Education within the Belt and Road Strategy // Research of Chinese Higher Education, 2017. No. 7. P. 56-61.
4. Official site of Shenzhen MSU-PPI University (2019). Available at: <http://www.szmsubit.edu.cn/xxgk/xxjj.htm>
5. List of institutions and projects approved and reviewed by the Ministry of Education (2017). Available at: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>
6. Starostin A.M. Paradigm change in modern global studies: social and cognitive determinants // Caucasian Science Bridge. 2018. No. 1 (1). P. 27-35.
7. Jiang Kai. The trend of higher education policy in the era of globalization and its critical analysis // Science of higher education. 2012. No. 3. P.13-19.

8. Cui H. State and trends in the transformation of Chinese education in the context of globalization. // Bulletin of ChitGU. 2007. No. 1. P. 63.

9. Zhang Liwei, Xu Lingling. The introduction of high-quality educational resources to promote the Chinese-Russian educational exchange - an interview with Zhao Ping, President of the Shenzhen MSU-PPI University [Interview, finishing] // World educational information. 2018. No. 15, P. 18-20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжао Дань

Аспирант

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: dchzhao@sfedu.ru

Zhao Dan

Postgraduate Student

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: dchzhao@sfedu.ru

Поступила в редакцию

1 июля 2019 г.

УДК 316.347

Субъекты гражданского диалога в преодолении этнических конфликтов**С. И. Майра***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Государство должно выявлять межэтнические противоречия, не допускать применения насилия, найти эффективные способы урегулирования спорных вопросов. Основные способы, техники и методы урегулирования межэтнических конфликтов могут быть дополнены методами их ослабления и торможения. Российское общество при этом остается расколотым в социальном, идеологическом и национальном плане, существует необходимость разработки и принятия долгосрочной программы межэтнической стабилизации, интеграции, кооперации и межэтнического сотрудничества. Решение указанных проблем автор видит в понимании того, какие субъекты участвуют в гражданском диалоге по решению этнических конфликтов. Это поможет раскрыть потенциал их эффективности и более четко детализировать функциональные возможности в обозначенном качестве.

Ключевые слова: гражданский диалог; субъекты гражданского диалога; этнические конфликты; этносы; решение этнических конфликтов; формальные и неформальные институты.

Для цитирования: Майра С. И. Субъекты гражданского диалога в преодолении этнических конфликтов // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2. №4. С. 17-24.

Subjects of civil dialogue in overcoming ethnic conflicts**Sori I. Maiga***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The State must identify inter-ethnic contradictions, prevent the use of violence, and find effective ways to resolve disputed issues. The main methods, techniques and methods of resolving inter-ethnic conflicts can be supplemented by methods of their mitigation and inhibition. At the same time, Russian society remains divided in social, ideological and national terms, and there is a need to develop and adopt a long-term program of inter-ethnic stabilization, integration, cooperation and inter-ethnic cooperation. The author sees the solution to these problems in understanding which subjects participate in the civil dialogue to resolve ethnic conflicts. This will help to unlock the potential of their effectiveness and more clearly detail the functionality in the designated quality.

Keywords: civil dialogue; subjects of civil dialogue; ethnic conflicts; ethnic groups; ethnic conflict resolution; formal and informal institutions.

For citation: Maiga S. I. Subjects of civil dialogue in overcoming ethnic conflicts // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №4 (6). P. 17-24.

Введение

Гражданский диалог может быть эффективной практикой решения межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием. Этот вывод был основан на позиции ряда авторов, которые пришли к умозаключению о том, что социальные возможности гражданского диалога зиждятся на ряде его сущностных особенностей, таких как конструирование новой социальной реальности в пространстве новых смыслов, обучение практике понимания, согласование интересов, сохранение социальной стабильности. При этом очень важным аспектом нашей концепции является то, что гражданский диалог возможен не только через деятельности субъектов зрелого гражданского общества, но и через диалоговые практики, выработанные институтами традиционного общества и инкорпорированные в механизмы диалогового процесса. В последнем случае речь необходимо вести о неформальных институтах, то есть тех диалоговых практиках, которые образовались как результат имплементации опыта традиционного общества в формирующиеся гражданские отношения, где центром взаимосвязи социальных акторов выступает не этническая, а государственно-гражданская принадлежность.

Данное понимание предполагает типологию субъектов гражданского диалога с учетом формирующегося пространства формальных и неформальных институтов. Соответственно этому нужно классифицировать и субъектов гражданского диалога, характерных для обществ с этнокультурным многообразием.

Основная часть

Субъекты гражданского диалога, действующие в коммуникативном пространстве, подчиняют порядок своей деятельности требованиям формальных и неформальных институтов. Так, формальным является институт, в котором объем функций, средства и методы действия регулируются предписаниями законов или иных правовых актов, в частности, формально утвержденных программ, регламентов, распоряжений, уставов и так далее. Соответственно, управленческие и контролирующие функции данные институты реализуют посредством как позитивных, так и негативных санкций. Соответственно, формальные институты, по сути, являются прочным и одновременно гибким каркасом, реагирующим на социальные потребности общества (Эфендиев, 2000). Деятельность формальных институтов гражданского диалога осуществляется посредством нормативно-правового творчества и находит свое отражение в законодательных актах и нормах, а также принятых государственных программах и других официальных документах. Следовательно, в качестве субъектов, представляющих формальные институты, выступают официальные государственные структуры и их представители.

Опираясь на деятельность формальных институтов и представляющих их субъектов ряд авторов как России (Остапенко, 2018; Ершов, 2016; Грудцына, Лагуткин, 2016), так и других стран, выделяют социальную модель, согласно которой диалог ведется между государством и гражданским обществом. Уточним, что структурами гражданского общества являются политические партии, ассоциации, объединения, культурные сообщества, религиозные институты и так далее. В качестве субъектов гражданского диалога выступают их представители.

Необходимо отметить, что гражданский диалог государства и общества, направленный на урегулирование межэтнических конфликтов, для достижения оптимальных результатов предполагает охват трех уровней. Первый – это макроуровень, где процесс двухсторонней коммуникации осуществляется на уровне взаимодействия структур государственной власти и гражданского общества. Затем следует региональный уровень взаимодействия органов власти и общественных формирований. Третий уровень – это уровень местного самоуправления, а также уровень внутреннего межсубъектного взаимодействия друг с другом различных институтов и структур гражданского общества (Зайцев, 2014).

Следует подчеркнуть, что диалог общества и государства, относится к публичной сфере и представляет собой открытое обсуждение, основанное на принципах гласности, взаимного уважения, свободного выражения мнений. Его участниками также выступают представители власти, политические партии, общественные объединения, некоммерческие организации, экспертное сообщество, средства массовой информации, широкая публика, государственные, политические и социальные лидеры, средства массовой коммуникация, конкретные представители масс-медиа и даже отдельные граждане, выступающие репрезентативными коммуникантами со стороны государства или гражданского общества.

Однако, рассматривая социальные возможности гражданского диалога в урегулировании межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием, необходимо обратиться к деятельности неформальных институтов, которые представляют собой спонтанно сложившуюся систему социальных связей, взаимодействий, норм и ценностей межличностной, межгрупповой коммуникации и отно-

шений. От формальных институтов их принципиально отличает то, что функции, средства и методы деятельности не установлены формальными правилами (т.е. четко не определены и не закреплены в специальных законодательных актах и нормативных документах). Несмотря на это, неформальные институты так же, как и формальные, выполняют функции социального управления и контроля, поскольку являются результатом социального творчества, волеизъявления граждан и их объединений, в том числе этнокультурных и религиозных.

Подчеркнем, что именно неформальные институты имеют значительное, а порой приоритетное влияние на социальную жизнь в обществах, которым присуще этнокультурное многообразие и соответствующие традиции. Это во многом определяется тем, что неформальный институт основан на личном выборе связей, ассоциаций, объединений и основан на неформальных механизмах регулирования взаимодействий. Так, в многосоставных обществах неформальные институты являются очень сильными и поэтому, зачастую, в разрешении сложных, конфликтных ситуациях играют ключевую роль. Это во многом определяется тем, что именно неформальные институты выполняют функцию передачи социокультурного опыта и знаний по этнической истории, традициям, нормам, ценностям и, тем самым, составляют основу жизнедеятельности социально-клановых отношений. При этом ведущую роль играют этнические лидеры – старейшины, вожди, короли и т.п. Именно они, как правило, пользуются непререкаемым авторитетом, выступают в качестве лидеров мнений внутри сообществ и регулируют отношения между ними. Этнические лидеры также осуществляют социальный контроль на основе неформальных санкций, закрепленных в обычаях, традициях, общественном мнении о должном поведении. Причем такой контроль оказывается зачастую более сильным для представителей конкретного этнокультурного сообщества, так как осуждение со стороны лидера сообщества может означать для его члена социальную смерть. В силу этого многие порой предпочитают наказание со стороны официальных структур, нежели от неформального лидера. Необходимо отметить, что каждое этническое сообщество имеет традиционные способы урегулирования конфликтов. Более того, существуют этнокультурные нормы-предписания, регламентирующие поведение участников споров, включая порядок обращения к неформальным структурам в целях его урегулирования. Соответственно, речь идет о традиционных структурах, которые имеют значительное влияние на жизнь этнических групп многосоставных обществ. Уточним, что традиционное общество регулируется традицией, укорененной в сознании, поведении, отношениях, быту. Одним из ведущих социальных приоритетов такого общества является сохранение существующих традиций. При этом социальный уклад характеризуется жесткой иерархией и наличием устойчивых общностей, преобладанием коллективистских мотивов над частными и приматом иерархических структур, как правило, кланов. В этой связи главную роль играют старейшины, обладающие непререкаемым авторитетом. Именно они передают накопленный веками социальный опыт новым поколениям, которые продолжают следовать традициям.

Исходя из особенностей традиционного уклада жизни, которого придерживаются этнические группы в обществах с этнокультурным разнообразием, А.А. Косоруков (*Косоруков, 2018*) полагает, что развитие гражданского диалога в таком обществе оказывается наиболее успешным, когда субъекты диалога представляют государство, гражданское и традиционное общество. Мы согласны с такой позицией, поскольку сохранение этничности в системе социальных отношений в качестве значимого фактора уже само по себе предполагает наличие многочисленных неформальных предписаний, выходящих за рамки связи по формальной линии государство-гражданственность. Введение дополнительной группы субъектов, коммуникация ко-

торой регулируется нормами, сгруппированными в неформальные институты, не лишает такого диалога признаков гражданского, т.к. его целевая направленность ориентирована на обеспечение условий для формирования единой гражданской нации, фактически на укрепление государственно-гражданских связей. При этом главный принцип организации эффективного диалога – инклюзивность, предполагающая включение лидеров всех этнических групп многосоставного общества. В этой связи ведущим тезисом является то, что социальные институты взаимосвязаны и представляют собой сложную интегративную систему, где формальные и неформальные диалоговые институты и практики оказывают друг на друга сильное влияние.

Таким образом, как показывает изучение социальной практики, деятельность субъектов диалога становится успешной лишь в том случае, когда она ориентирована на поиск единства и согласия в условиях культурного плюрализма, без уничтожения многообразия и стремления к гомогенизации и унификации в общественной жизни. При этом успешные субъекты гражданского диалога действуют согласованно, обладают способностью к самоуправлению, стремятся к повышению эффективности взаимодействий, а также обладают способностью к продуцированию новых идей и демонстрируют готовность к коалициям и компромиссам. Подобного рода практики в обществах с этнокультурным образованием становятся возможными при соблюдении правил формальных и неформальных институтов, что предполагает участие в переговорном процессе субъектов не только представляющих государство и гражданское общество, но и общество традиционное.

Исходя из этого, ведущей задачей гражданского диалога по урегулированию и предотвращению межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием – это формирование общей идеологии и идентичности граждан. Собственно, весь переговорный процесс, если не в деталях, то по своей стратегической направленности, в котором участвуют представители трех разновидностей выделенных субъектов, ориентирован на формирование идеологии для идентичности. Иначе достижения, связанные с проведением процедур гражданского диалога, будут иметь временный и не устойчивый характер. При этом важно опираться на определение идеологии, предложенное Дж. Томпсоном в рамках постнекласической научной парадигмы. С точки зрения ученого, идеология является смысловой конструкцией, выраженной символическими формами, представляющими собой широкую совокупность действий и высказываний, текстов и образов (*Thompson, 1990*). Такой подход открывает возможность организации гражданского диалога с участием субъектов, представляющих государство, гражданское и традиционное общество на основе принципа инклюзивности, то есть включения в диалоговый процесс представителей всех этнических групп общества и выработку совместного видения идеологии конкретного плюралистического общества. При этом данная идеология призвана создавать основу для предотвращения межэтнических конфликтов, формирования общей гражданской идентичности и реализации стратегии нациестроительства.

Однако первым шагом на пути к конструированию идеологической платформы, гражданской идентичности и реализации стратегии нациестроительства, является повышение эффективности формальных институтов гражданского диалога в урегулировании межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием. Именно формальные институты гражданского диалога, на наш взгляд, призваны консолидировать субъекты, представляющие органы государственной власти, и субъекты, представляющие широкую общественность в рассмотрении этнокультурного разнообразия не как источника противоречий, а как ресурса конструктивного общественного развития. Это предполагает развитие диалога государ-

ства и гражданского общества, а также субъектов, представляющих традиционное общество, на основе обращения к специфическим социальным характеристикам обществ с этнокультурным многообразием, включающим такие свойства как гетерогенность, фрагментация и сегментация, определяющих необходимость развития гражданской культуры, в рамках которой различные этнокультурные группы могут продуктивно сотрудничать. В этой связи считаем перспективным развитие гражданской культуры в плюралистических обществах России и Мали, основанное на признании существующих различий между этнокультурными группами и отношении к каждой группе как самоценной и уникальной. При этом полагаем целесообразным опираться на модель гражданской нации, разработанную Роджерсом Брубейкером, американским профессором социологии Калифорнийского университета. Согласно данной модели государство образовано гражданами, существует для граждан, независимо от того, к какой этнической группе они принадлежат. Подчеркнем, что с профессором Р. Брубейкером солидарны профессор политологии Ратгрерса (г. Ньюарке), Александр Мотиль, а также российский академик Валерий Тишков. Они выступают за общественно-политическую, неэтническую модель нациестроительства, где гражданские ценности станут определяющей нормой социального бытия общества.

Важно отметить, что гражданский национализм, порождающий соответствующую нацию, как правило, появляется в демократических государствах, создавших прочные институты гражданского общества. При этом формальные институты гражданского диалога выполняют коммуникативную функцию социального и гражданского контроля. И, тем самым, содействуют профилактике межэтнических конфликтов, формированию общих политических и социальных ценностей, национальной политической идентичности, а также гражданской культуры.

Однако реализация стратегии нациестроительства возможна только при урегулировании межэтнических конфликтов и выработке всеми этническими сообществами общего видения претворения данной стратегии в жизнь на основе совместных, согласованных действий. Речь, следовательно, идет об организации эффективного гражданского диалога государства и общества. Это обусловлено тем, что гражданский диалог в обществах с этнокультурным многообразием является действенным способом профилактики и предотвращения межэтнических конфликтов и выступает фактором обеспечения взаимоуважения представителей разных этнокультурных групп, социального доверия и солидарности обществ.

Подчеркнем, что в качестве морально-идеологической платформы для гражданского диалога в многосоставных обществах рассматривается коммунитаризм, являющийся влиятельным социально-политическим течением, приобретающим все большую популярность в современных условиях, так как в его основе лежит диалог между сообществом и личностью. Коммунитаризм руководствуется ценностями общего блага и направлен на построение гражданского общества, основанного на глобальной совокупности (*Ettsioni, 2004*). При этом каждого человека рассматривается как продукт конкретного общества и/или общины. Особое значение в формировании личности, ценностей, стиля мышления человека при этом придается обществу, которое несет социальную ответственность за своих членов.

Важно отметить, что с точки зрения коммунитаризма социальные акторы выражают интенциональность своего сознания в конкретных действиях, которые со временем находят воплощения в социальных институтах и, прежде всего, неформальных. При этом коммунитаристская идеология ориентирована на различные аспекты братства, полагаемые в качестве оптимального состояния общества и его идеала, достижение которого возможно коллективными социальными усилиями. На первый план выдвигается роль сообществ, их внутренние диалоги, посредством ко-

торых осуществляется трансляция социального опыта, норм, ценностей. Заметим, что к таковым сообществам относятся не только семья, школа, но и различные добровольные этнокультурные и религиозные объединения и организации. В центре внимания коммунитаристов – способы формирования, передачи, обоснования и претворения в жизнь общих понятий о благе. Это во многом определяется тем, что, по мнению А. Этциони, именно диалогически ориентированный коммунитаризм предлагает модель нормативных обязательств, направленную на содействие взаимодействию индивидов. Приверженность ценностям, по мнению ученого, есть результат диалога как сложного и непрерывного процесса (Тимчук, 2017). Подчеркнем, что приобщение к ценностям диалога и гражданской культуре происходит в процессе обучения и социализации. Вместе с тем коммунитаристы считают, что ведущими являются неформальные социальные механизмы управления. А. Этциони констатирует: активность институтов гражданского общества определяется преобладанием общественных интересов при сохранении индивидуальной свободы (Etzioni, 1998).

Итак, коммунитаризм предлагает модель взаимодействия гражданского общества и государства посредством вовлечения широких слоев общества, развития самоуправления и демократических свобод. При такой модели социально-политические институты являются гибкими, что позволяет своевременно реагировать на вызовы и актуальные запросы общества, нивелировать риски, разрешать и предотвращать конфликты. Причем это является результатом активного взаимодействия общества и государства.

Ценности коммунитаризма соотносятся с ценностями традиционных обществ, которые также ориентированы на общие для сообщества цели, интересы, ценности, а человек выступает частью клана. В силу этого идеи коммунитаризма, по мнению современных исследователей, способны создать почву для конструктивного гражданского диалога в условиях этнокультурного разнообразия.

Заключение

Гражданский диалог обладает необходимым потенциалом, чтобы быть эффективной практикой решения межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием. Данный вывод основывается на позиции ряда авторов, которые пришли к умозаключению о том, что социальные возможности гражданского диалога зиждятся на ряде его существенных особенностей, таких как конструирование новой социальной реальности в пространстве новых смыслов, обучение практике понимания, согласование интересов, сохранение социальной стабильности. При этом очень важным аспектом нашей концепции является то, что гражданский диалог возможен не только через деятельности субъектов зрелого гражданского общества, но и через диалоговые практики, выработанные институтами традиционного общества и инкорпорированные в механизмы диалогового процесса. В последнем случае речь необходимо вести о неформальных институтах, то есть тех диалоговых практиках, которые образовались как результат имплементации опыта традиционного общества в формирующиеся гражданские отношения, где центром взаимосвязи социальных акторов выступает не этническая, а государственно-гражданская принадлежность. Такой подход предполагает типологию субъектов гражданского общества, основанную на критерии разделения их по принадлежности к формальным и неформальным институтам. В качестве субъектов, представляющих формальные институты, выступают официальные государственные структуры и их представители, а также субъекты, представляющие элементы гражданского общества: политические партии, ассоциации, объединения, культурные сообщества, религиозные институты и так далее. Эффективность деятельности этих субъектов и их удельный вес в реаль-

ных практиках гражданского диалога зависит от зрелости гражданского общества. Второй тип субъектов гражданского диалога связан с коммуникативными практиками, реализуемыми государством и элементами традиционного общества. При этом ведущую роль играют этнические лидеры – старейшины, вожди, короли и т.п. Именно они, как правило, пользуются непререкаемым авторитетом, выступают в качестве лидеров мнений внутри сообществ и регулируют отношения между ними. Сохранение этничности в системе социальных отношений в качестве значимого фактора уже само по себе предполагает наличие многочисленных неформальных предписаний, выходящих за рамки связи по формальной линии государство–гражданственность. Введение дополнительной группы субъектов, коммуникация которой регулируется нормами, сгруппированными в неформальные институты, не лишает такого диалога признаков гражданского, т.к. его целевая направленность ориентирована на обеспечение условий для формирования единой гражданской нации, фактически на укрепление государственно-гражданских связей. В этом контексте ведущей задачей гражданского диалога по урегулированию и предотвращению межэтнических конфликтов в обществах с этнокультурным многообразием – это формирование общей идеологии и идентичности граждан. Весь переговорный процесс, если не в деталях, то по своей стратегической направленности, в котором участвуют представители трех разновидностей выделенных субъектов, ориентирован на формирование идеологии для идентичности. Иначе достижения, связанные с проведением процедур гражданского диалога, будут иметь временный и неустойчивый характер. Подводя итог, подчеркнем, что развивать гражданский диалог в обществах, характеризующихся этнокультурным многообразием целесообразно на основе диалоговой модели, определяющей в качестве субъектов диалога представителей государственных, гражданских и традиционных структур.

Литература

1. Грудцына Л.Ю., Лагуткин А.В. Идея «общественного договора» как основа диалога государства с гражданским обществом // Государство и право. 2016. №2. С. 12–19.
2. Ершов В.Ф. Банковская система России и гражданское общество: диалог и взаимодействие // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. №3. С. 65–69.
3. Зайцев А.В. Диалог государства и гражданского общества как вид общественного диалога: компаративный анализ // Социодинамика. 2014. № 11. С. 11–25.
4. Косоруков А.А. Гражданский диалог в управлении публичной политикой // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. № 2А. С. 3–8.
5. Остапенко А.С. Гражданское общество и власть: диалог в постиндустриальном информационном обществе как расширение публичного пространства демократии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. №2. С. 23–28.
6. Тимчук Д.А. Идеология диалога в коммунитаризме по Амиаю Этциони // Социодинамика. 2017. №10. С. 59–70.
7. Эфендиев А.Г. Социальные институты: структуры повседневности // Общая социология: Уч. пос. / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. 224 с.
8. Etzioni A. OT imperii k soobshchestvu: novyi podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam. М.: Ladomir, 2004. 211 p.
9. Etzioni A. Communitarianism: The New Golden Rule Basic Books, 1998. 127 p.
10. Thompson John V. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990. P. 56–66

References

1. Grudtsyna L.Yu., Lagutkin A.V. The idea of a "social contract" as the basis of the state's dialogue with civil society. 2016. №2. P. 12-19.
2. Yershov V.F. The banking system of Russia and civil society: dialogue and interaction // Civil Society in Russia and abroad. 2016. №3. P. 65-69.
3. Zaitsev A.V. Dialog of the state and civil society as a type of public dialogue: comparative analysis. 2014. №11. P. 11-25.

4. Kosorukov A.A. Civil dialogue in public policy management // Theories and problems of political research. 2018. Vol. №2A. P. 3-8.
5. Ostapenko A.S. Civil society and power: dialogue in the post-industrial information society as an extension of the public space of democracy // Civil Society in Russia and abroad. 2018. №2. P. 23-28.
6. Timkuk D. A. Ideology of dialogue in communitarianism according to Amitai Etzioni // Sociodynamika. 2017. №10. P. 59-70.
7. Efendiev A.G. Social institutions: structures of everyday life // General sociology: Uch. pos. / Under the general editorship of A. G. Efendiev. M.: INFRA-M, 2000. 224 p.
8. Etzioni A. OT imperii k soobshchestvu: novyi podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam. M.: Ladomir, 2004. 211 p.
9. Etzioni A. Communitarianism: The New Golden Rule Basic Books, 1998. 127 p.
10. Thompson John V. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990. P. 56-66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майра Сори Ибрагим

Аспирант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
E-mail: maiga.soryibrahim@yahoo.fr

Mayra Sori Ibrahim

Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
E-mail: maiga.soryibrahim@yahoo.fr

Поступила в редакцию

9 июля 2019 г.

УДК 94

**Некоторые аспекты политической и экономической интеграции Абхазии
в Российскую империю во второй половине XIX века****С.В. Цкуа***Абхазский государственный университет,
г. Сухум, Республика Абхазия*

Аннотация. Проведение крестьянской реформы в Абхазии явилось крупным актом социально-экономического характера и одним из ключевых моментов в истории Абхазии. Со второй половины 60-ых годов XIX века прослеживается военно-политическое и экономическое освоение Абхазии. В статье рассматриваются интеграционные процессы 60-х – 80-х гг XIX века.

Ключевые слова: крестьянская реформа; капиталистические отношения; депортация; «виновное население».

Для цитирования: Цкуа С.В. Некоторые аспекты политической и экономической интеграции Абхазии в российскую империю во второй половине XIX века // 2019. Том 2. №4. С. 25-28.

**Some aspects of the political and economic integration of Abkhazia into the Russian
empire in the second half of the XIX century****Solidat V. Tskua***Abkhaz State University,
Sukhum, Republic of Abkhazia*

Abstract. The peasant reform in Abkhazia was a major socio-economic act and one of the key moments in the history of Abkhazia. From the second half of the 60s of the XIX century, the military-political and economic development of Abkhazia can be traced. The article examines the integration processes of the 60s – 80s of the XIX century.

Keywords: peasant reform; capitalist relations; deportation; "guilty population".

For citation: Tskua S.V. Some aspects of the political and economic integration of Abkhazia into the Russian empire in the second half of the XIX century // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №4. P. 25-28.

Северо-западный Кавказ стратегически важная пограничная территория Российской Федерации, служащая важным транзитно-коммуникационным узлом. На северо-западе Кавказе сталкиваются интересы Российской Федерации, Турции и Ирана (Бадаева, 2009).

Геополитическое значение Абхазии, всегда было значимым для России. Абхазия выступает в качестве буферной зоны, разделяющей Грузию с Россией и способствует политической стабилизации в Кавказском регионе. Абхазия обладает как выгодным географическим расположением, так и транспортными коммуникациями, наличием трех портов: Сухум, Очамчыра, Пицунда; полезными ископаемыми: свинец, каменный уголь, торф, мрамор; Сухумским аэропортом, который может принять все виды воздушных судов и военной базой в Бамборе. Таким образом, в политическом отношении Абхазия служит форпостом безопасности южных рубежей России, а в экономическом отношении способна стать развитой зоной экономики. Абхазия в рассматриваемый период переживала один из самых сложных периодов в своей истории. Кавказ становится объектом внимания мировых держав, стремивших включить его в сферу своих экономических и политических интересов, любой ценой получить стратегически важный регион Российской империи.

Необходимо понимать, что интересы России на Кавказе и ее передвижение вглубь региона требовало работы по реорганизации системы и формирование управления народами на покоренных территориях. Главной задачей становится экономическая интеграция Кавказа в состав Российской империи, но Кавказ представ-

лял собой полезтничный регион, в котором живы традиции военной демократии, принципы обычного права (*Силаев, 2003*).

Освобождение завоеванных сословий был средством ослабить социальную напряженность в горских обществах. В результате интеграции Кавказа в состав Российской империи начался конфликт, связанный со спецификой экономического развития – несовместимость правовых и политических норм Кавказа и Российской империи, разложение традиционных хозяйственных контактов гор и равнин. Царизм опасался усиления антиколониальной борьбы крестьян. В этот период Англия и США завершили переход от традиционной аграрной к индивидуальному обществу с рыночной экономикой. Что касается Российской империи, она отставала от европейских стран и это объяснялось помещичьим землевладением, крепостным правом, низкой производительностью, натуральным укладом, зависимостью от внешних рынков, феодально-бюрократической системой управления хозяйства. Для Российской империи был характерен ввоз, а не вывоз капитала. Царизм решил переустроить сословные отношения в Абхазии и в отличие от других крепостнических реформ, где говорилось о крепостной зависимости, здесь говорилось о прекращении личной зависимости, все были собственниками своей земли, только раба владелец мог продать, наказать, подарить, а зависимые крестьяне (амацуразку, ахую) только осенью теряли свободу. Даже низшие категории крестьянства нельзя считать крепостными. Абхазское общество делилось на два класса: феодалов и эксплуатируемых крестьян.

Схема сословной иерархии в Абхазии, составленного на основе материалов Сухумской сословно-поземельной комиссии за 1869 год:

1. Тавады – князья;
2. Аамста – дворяне (ок. 4000. человек);
3. Ашнакума – посредническое между высшими и низшими сословиями (1800 человек);
4. Анхаю- свободные общинники;
5. Амацуразку – среднее крестьянское сословие (1300 человек);
6. Ахую – низшее крестьянское сословие (8000 человек);
7. Ахашвала – рабы (1300 человек) (*Лакоба, 1990*).

Существовал еще один класс – азаты (уволенные из других сословий крестьяне). Этот класс обязан свободе и независимости религии, число которых доходило до 2200 душ. В 50-х годах XIX века начинается попытка превращения Абхазии в колонию, для этого необходимо было разрушить натуральные формы хозяйства, переводя их в капиталистические. И это достигалось введением русской администрации, ликвидацией Абхазского княжества и проведением крестьянской реформы. По этому вопросу Лорис-Меликов писал: «Мы не владеем, а только занимаем ее» (*Лакоба, 1990*).

В мае 1864 году завершилась Русско-Кавказская война, а в июне Абхазское княжество было ликвидировано. Сразу после этого поступил запрос Генерального штаба Кавказской армии о следующих сведениях:

1. Какие виды зависимых сословий существуют в Абхазии, Самурзакани и в Цебельде;
2. О правах этих сословий на землю, ими обрабатываемую;
3. О количестве и видах натуральных и денежных повинностей;
4. О размерах выкупной суммы, вносимой при выкупе на волю.

Это был первый шаг к проведению реформы и русское правительство решало использовать реформу для подрыва экономической мощи дворянства Абхазии (*Авидзба, 1985*). Крестьяне после реформы подверглись усилению налогового гнета и оплачивали:

1. поземельный налог – 25000 рублей;
2. земский поземельный налог – 130 рублей;
3. сбор взамен отбывания воинской повинности – 24000 рублей.

Для Российской империи Абхазский регион имел важное торгово-экономическое значение. Симультанно царизм стремился к сближению к местным населением и установить партнерские отношения. Царская администрация приступает к осуществлению как экономических, так и политических задач.

Одной из важнейших проблем царской власти было освоение края. Поэтому 10 мая 1862 г. Александр II утвердил «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» (*Шабзухова, Мальцев, 2012*). После окончания Русско-Кавказской войны начинается интенсивный процесс депортации абхазов в Османскую империю. Следует отметить, что методы выселения не были более жестокими, чем аналогичные мероприятия, известные нонче другим странам. Действие русского командования трактуется как продолжение внешней политики завоевание Кавказа (*Скибицкая, 2011*). Выселение горских народов северо-западного Кавказа, привело к сокращению автохтонного населения в крае, опустошив целые территории без жителей (Дал, Цабал). Крепость кровно – семейных уз, характерная для абхазского народа, сыграла определенную роль в депортации. В случае если в Османскую империю кто-то переезжал из близких родственников, велик был шанс, что и оставшиеся отправятся вослед. После подавления восстания 1877 года 50 тысяч абхазов выселилось в Османскую империю. Кроме того абхазские крестьяне были лишены политических прав; абхазы были объявлены виновным населением, им запрещалось селиться вблизи побережья моря и проживать в Сухуми, «местечках» Очамчира и Гудаута (*Лакоба, 1990*).

В 60-е годы российские власти рассматривали Сухум не только как важный центр торговли, но и значимый стратегический пункт на восточном берегу Черного моря. Один из публицистов того времени Шавров предлагал открыть Сухум и другие порты Абхазии для свободной торговли. В эти же годы на страницах российских газет и журналов активно обсуждался вопрос о строительстве железных дорог на Кавказе, в том числе и в Абхазии. Одни авторы придавали Сухумской железной дороге «великое стратегическое значение», другие считали ее строительство «фантастическим проектом» (*Шкунов, 2010*). Вторым важным направлением развития местной экономики являлись садоводство и виноградарство. В этот период объектом усиленного приложения капитала становится лесное хозяйство. Спрос на лес связан с проведением шоссейных дорог. Были заключены договоры с купцом Х. Качал-ипа на рубку самшита; с купцом Д. Авгериним на рубку строевого леса; Т. Аведопуло и Метакса на рубку клепки (*Дзидзария, 1988*). На территории Абхазии возникают табачные фирмы – Шапшал, Богданов, Лоферм (*Олоневский, 1934*). В конце 80-х годов XIX века проводится поиск месторождений полезных ископаемых. Таким образом, капиталистические отношения развивались в ширь, распространяясь по мере колонизации края. Были развиты различные виды аренды, что способствовало оживлению хозяйственно-производственных отношений.

Крестьянская реформа была проведена в Российской империи в 1861 году, в Восточной Грузии – 1864, в Имеретии и Гурии – 1867 году. В Абхазии она запоздала национально-освободительному движению. Историческая необходимость реформы вызывалась ростом капитализма, ломавшим рамки крепостничества. Однако на анхаю – превращение их во временно-обязанные значило их закрепощение.

Положительными последствиями интеграции Абхазии в Российскую империю можно назвать:

- а) создание абхазского алфавита (1862 г.) А.К. Усларом (в целях ассимиляции местного населения);
- б) восстановление абхазского православного духовенства;
- в) развитие инфраструктуры и урбанизация;
- г) повышение уровня образования и формирование интеллигенции.

Литература

1. *Авидзба В.Д.* Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985. 192 с.
2. *Ачугба Т.А.* Депортация абхазов (XIX век). Сухум.: АБИГИ, 2018. 352 с.
3. *Бадаева Л.А.* Социально-экономическое развитие и политические взаимоотношения народов Северного Кавказа с Россией: 1774-1813: Автореф. дис. канд. ист. наук. (2009). Режим доступа: <http://dlip.prsl.ru>
4. *Дзидзария Г.А.* Труды. Книга I. Сухуми: Издательство «Алашара». 1988. 408 с.
5. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Издательство «Алашара». 1990. 155 с.
6. *Олонецкий А.А.* Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX начало XX века). Сухум: Издание АБНИИК. 1934. 75 с.
7. *Силаев Н.Ю.* Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX века: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: Автореф. дис. канд. ист. наук. Режим доступа: <http://dlip.prsl.ru>
8. *Скибицкая И.М.* Завершение Кавказской войны (1860-1864): военно-политические и социальные аспекты. Автореф. дис. канд. ист. наук. Режим доступа: <http://dissercat.com>
9. *Шабзухова П.Х., Мальцев В.Н.* Северо-западный Кавказ в составе Российской империи: от военного покорения к поиску интеграции осуществления аграрных преобразований // Вестник Астраханского Государственного Университета. Серия 1. Майкоп. 2012. С. 81-88.
10. *Шкунов В.Н.* Абхазия в системе внешней торговли Российской империи в XIX веке // Samara. 2010. Vol.12. №2. Режим доступа: <http://papers.ssrn.com>

References

1. Avidzba V.D. Implementation of the peasant reform in Abkhazia. Sukhumi, 1985.192 p.
2. Achugba T.A. Deportation of Abkhazians (XIX century). Sukhum .: ABIGI, 2018.352 p.
3. Badaeva L.A. Socio-economic development and political relations of the peoples of the North Caucasus with Russia: 1774-1813: Author's abstract. dis. Cand. ist. sciences. (2009). Available at: <http://dlip.prsl.ru>
4. Dzidzaria G.A. Proceedings. Book I. Sukhumi: Publishing house "Alashara". 1988.408 p.
5. Lakoba S.Z. Essays on the political history of Abkhazia. Sukhumi: Publishing House "Alashara". 1990.155 p.
6. Olonetsky A.A. Essays on the development of capitalist relations in Abkhazia (late 19th early 20th century). Sukhum: Publishing ABNIK. 1934. 75 p.
7. Silaev N.Yu. The North Caucasus within Russia in the second half of the 19th century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration: Author's abstract. dis. Cand. ist. sciences. Available at: <http://dlip.prsl.ru>
8. Skibitskaya I.M. The end of the Caucasian War (1860-1864): military-political and social aspects. Abstract of thesis. dis. Cand. ist. sciences. Available at: <http://dissercat.com>
9. Shabzukhova P.Kh, Maltsev V.N. Northwestern Caucasus as part of the Russian Empire: from military conquest to the search for integration of the implementation of agrarian transformations // Bulletin of the Astrakhan State University. Series 1. Maykop. 2012.p. 81-88.
10. Shkunov V.N. Abkhazia in the foreign trade system of the Russian Empire in the 19th century // Samara. 2010. Vol.12. No. 2. Available at: <http://papers.ssrn.com>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цкуа Солидат Вячеславович
Аспирант
Абхазский государственный
университет
E-mail: dukeaslanbey@mail.ru

Tskua Solidat Vyacheslavovich
Postgraduate Student
Abkhaz State University
E-mail: dukeaslanbey@mail.ru

УДК 316

Профессиональное становление российской молодежи в фокусе социологического дискурса

К.С. Мухина

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Российская молодежь в современных кризисных условиях сталкивается с массой проблем, которые, в итоге, становятся причинами ее депрофессионализации, так как ей приходится апробировать различные, очень часто не связанные с полученной специальностью, виды трудовой и профессиональной деятельности, и, что самое главное, к этой ситуации привыкла уже как сама молодежь, так и общество. Вместе с тем, последствия профессиональной дезадаптации молодежи очень трагичны и чреваты дальнейшим снижением социального капитала россиян и ростом социально-экономической и профессиональной деградации как социокультурной общности. С этой точки зрения проблема профессионального становления молодежи выступает составной частью актуального молодежного дискурса социологического пространства и выступает предметом данного исследования.

Ключевые слова: молодежь; профессиональное становление; труд; профессионализация; депрофессионализация; рынок труда; адаптация; прекариат.

Для цитирования: Мухина К.С. Профессиональное становление российской молодежи в фокусе социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2. №4. С. 29-35.

Professional formation of Russian youth in the focus of sociological discourse

Kristina S. Mukhina

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. Russian youth in modern crisis conditions faces a lot of problems, which eventually become the causes of their deprofessionalization, as they have to try out various, very often unrelated to the received specialty, types of labor and professional activities, and, most importantly, this situation is already used to both young people themselves and society. At the same time, the consequences of young people's professional disadaptation are very tragic and are fraught with further reductions in the social capital of Russians and the growth of socio-economic and professional degradation as a socio-cultural community. From this point of view, the problem of professional formation of young people is an integral part of the current youth discourse of sociological space and is the subject of this study.

Keywords: youth; professional formation; labor; professionalization; deprofessionalization; labor market; adaptation; precariat.

For citation: Mukhina K. S. Professional formation of Russian youth in the focus of sociological discourse // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №4. P. 29-35.

Депрофессионализация молодежи, уже ставшая своеобразной нормой российской реальности и выражением ее кризисности, определяет высокую актуальность проблемы профессиональной адаптации молодежи в условиях современной российской действительности, а потому она стала предметом данной работы.

Проблемы профессионального становления российской молодежи можно выявить, обратившись к особенностям данного процесса в контексте российских условий, а эти условия уже достаточно давно характеризуются как кризисные, и молодежи приходится преодолевать последствия кризисного периода, чтобы не ожесточиться, не пополнить ряды экстремистов, не стать жертвой неблагоприятных средовых факторов (Бедрик, Зарбалиев, 2018).

И при этом неважно, что молодежь более активна, более мобильна, информационно подготовлена, а потому более конкурентоспособна. Молодость зачастую выступает не преимуществом, а недостатком при трудоустройстве, так как ей, как пра-

вило, сопутствует отсутствие трудового опыта и стажа работы, и молодежь вынуждена трудоустраиваться там, где ее молодой возраст может оказаться кстати, но это не всегда сочетается с полученной в ходе обучения профессией.

Сегодня труд в России превратился в средство выживания и, естественно, лишился при этом своей экзистенциальной сущности, которая всегда в России отличала труд как ценность высшего порядка, без которой немислимо становление личности, ее духовное развитие (*Vereshchagina, Volkov, Krotov, Ukolov, 2015*). Прагматизация в труде способствует прагматизации сознания, души и, в целом, личности. Профессия выбирается теперь не велением души, не любовью к ней, а уровнем ее прибыльности, престижности в обществе, и этим можно объяснить переполненность рынка труда юристами и экономистами, острым дефицитом представителей рабочих специальностей, инженеров и т.д.

Иными словами, необходимо социологически осмыслить и объяснить происходящие процессы депрофессионализации в молодежной среде и оценить их с позиций динамично меняющейся реальности и вызовов современной эпохи. Этими обстоятельствами определяется как социальная, так и научная актуальность выбранного тематического направления.

Проблема профессионального становления молодежи в самых различных контекстах и аспектах традиционно является предметом социологического внимания и исследования российских ученых. Особенно актуально эта тематика звучит в современных исследованиях ввиду глубинных изменений в сфере профессионализации как в России, так и во всем мире (*Гневашева, 2018*), (*Макарова, 2018*), (*Семенова, 2009*), (*Филимонова, 2017*). Депрофессионализация как социальное явление и категория социологического анализа в фокусе социологического дискурса оказалась сравнительно недавно.

Следует заметить, что самостоятельных и оснащенных концептуально-методологическим полем социологических исследований по проблеме депрофессионализации еще сравнительно мало (*Фадеева, 2014*). В основном данная проблема актуализируется и фиксируется в социологических работах в контекстном ключе в рамках анализа явлений и процессов, сопровождающих процесс профессионального становления молодежи (*Илюхин, 2016*), (*Морозова, 2015*), (*Степочкина, 2011*), (*Прохоров, 2018*).

Определяя значимость молодежной проблематики в контексте ее профессиональной составляющей с точки зрения развития российского общества, обеспечения его национальных интересов, обратимся к идеям Л.И. Кравченко, которая выделила ряд позиций, необходимых при анализе состояния молодежи (Кравченко):

- ценности молодежи, выступающие основой духовного здоровья нации;
- семейные ценности и ориентации молодежи, ее репродуктивные установки как база демографической стабильности общества;
- политические ориентации молодежи как вектор будущего идеологического пространства страны, в котором она будет отстаивать те или иные политические взгляды, устои;
- профессиональный выбор молодежи, который определяет структуру экономики России и закладывает ориентиры будущего экономического развития страны;
- структура занятости молодежи, ее отраслевая специфика как выражение доступности или приоритетности тех или иных видов, сферы деятельности для молодежи в сложившихся условиях;
- предпринимательская и инновационная активность молодежи, ее способность и готовность к самостоятельной деятельности, к проявлению инициативы и предприимчивости и, в целом, активной жизненной позиции.

Как видим, значимый спектр вопросов связан с молодежью как субъектом профессионально-трудовых отношений, с ее самоопределением в сфере профессии и труда, с ее позицией (активной/пассивной) в сфере социально-экономических отношений. И это вполне закономерно, поскольку современная Россия, да, собственно, как и любое другое государство, нуждается в креативных, способных к инновациям и риску, новым стратегиям и предприимчивости людях, которые могли бы жить и трудиться в условиях высокой динамики социальных изменений, появления новых технологий – информационных, цифровых. И априори эти способности связываются с молодежью, с которой также связываются надежды и перспективы инновационного прорыва страны, а сама молодежь признается как активный субъект общественных отношений, в том числе в профессионально-трудовой сфере при всем том, что выход на рынок труда для современных молодых поколений в России сопряжен с нечеткими представлениями о профессиональной траектории, профессиональной карьере и критериях оценки тех или иных профессиональных достижений (*Омельченко, 2015*).

Значимый пласт исследований в контексте проблемы профессионального становления российской молодежи в контексте ее адаптации на рынке труда занимает проблема занятости, которая анализируется с позиций различных типов трудовой занятости и ее мотивации. Исследователи выделяют в структуре занятости молодежи на российском рынке труда неформальную, временную, неустойчивую, нестандартную занятость. Имея разные названия, все эти типы самым непосредственным образом связаны между собой и являются реакцией российского рынка занятости на неблагоприятные экономические преобразования, происшедшие в постсоветский период, когда работа в режиме неполного рабочего времени, вторичная занятость и занятость в неформальном секторе стали достаточно распространенными явлениями (*Орехова, 2015*).

Нестабильные, неустойчивые трудовые отношения в России рассматриваются в контексте такого понятия, как прекариат, рост которого является устойчивой тенденцией развития рынка труда в постсоветской России. Высокий уровень нестабильной занятости на рынке труда в современной России ученые оценивают, как гораздо более тревожный фактор, нежели уровень безработицы, поскольку она в большей степени характерна для молодежи и детерминирует ситуацию нестабильности доходов россиян, в значительной степени зависящих именно от этой – нестабильной – категории занятости и, соответственно, заработка, не связанного с основным местом работы. Такая ситуация не может считаться положительной для профессионального становления молодежи, ее эффективной трудовой социализации и адаптации на рынке труда при том, что социологические данные свидетельствуют о высокой степени риска в молодежной среде оказаться в ситуации длительной безработицы или нестабильной занятости: в 2018 г. почти каждый пятый россиянин (18%) в возрасте до 30 лет оказывался в подобной ситуации (*Аникин, 2018*).

Неформальность на рынке труда как занятость вне сферы действия формальных регуляторов имеет собственную социальную природу и структуру в каждом обществе, а сама неформальная занятость в науке не получила единой трактовки и определяется по-разному: как ненаблюдаемая, неофициальная, нерегулируемая, неорганизованная, теневая, незащищенную, противоправная, скрытая от регистрации, деятельность вне правового поля (*Блинова, 2018*). Суть неформальной занятости сводится к нерегулируемости трудовых практик, независимо от того, в каком секторе экономики они реализуются, - в формальном или неформальном.

Неформальная занятость в молодежной среде, по оценкам специалистов, носит в большинстве случаев вынужденный характер и, при всех негативных аспектах

этого вида занятости и ущерба для российской экономики, ликвидация неформальных рабочих мест в условиях современного рынка труда, как полагают ученые, только усугубит ситуацию с безработицей и нищетой, если параллельно не будут приниматься меры по созданию условий для расширения возможностей формальной занятости молодежи (*Блинова, 2018*).

Характеризуя молодых субъектов на рынке труда с позиций присущих им специфических особенностей, М.И. Пальчук выделяет неопределенность профессиональной ориентации, ее изменчивость; низкий уровень профессиональной компетентности (*Пальчук, 2017*), что сочетается с мнением других исследователей о кризисном положении молодежи на рынке труда как результате складывающихся в ее среде неадекватных представлений о реальной ситуации на рынке труда и занятости, собственных способностях и возможностях, а также путях трудовой адаптации в сфере будущей профессиональной деятельности (*Гнатюк, 2018*).

Невысокая конкурентоспособность молодых людей на рынке труда, которая связана с отсутствием опыта работы и профессиональных навыков, становится поводом для отказа со стороны работодателя в трудоустройстве молодым специалистам при всем том, что они, как справедливо замечают ученые, имеют конкурентные преимущества перед опытными работниками, связанные с более высокой степенью адаптированности к новым и меняющимся условиям, более высокой мобильностью и способностью к обучению и освоению инноваций в области профессиональной деятельности и новинок научно-технического прогресса (*Пухова, 2018*).

На низкую конкурентоспособность молодежи на рынке труда по сравнению с другими возрастными группами обращает также внимание Е.А. Колесник (*Колесник, 2015*), видя основную причину в сложившейся системе профессионального образования в России, которая не соответствует требованиям работодателей исходя из изменяющихся требований к профессиям, к численности представителей тех или иных профессий. Данные обстоятельства и продуцируют дисбаланс на рынке труда и уход в иные сферы профессиональной деятельности молодежи, не сумевшей трудоустроиться по полученной в образовательном учреждении специальности.

Высокий уровень неопределенности, нестабильности на рынке труда, и сложности трудоустройства, особенно для молодых специалистов, формируют значительный миграционный потенциал молодежи, реализуемый преимущественно в пределах российского государства. Так, начиная с 2014 г., как указывают ученые, фиксируется тенденция к увеличению количества выпускников, к моменту окончания учебного заведения, не имеющих гарантированного места работы, и по данным 2016 года, к примеру, данный показатель составлял 79,1%, и потому именно для молодежи в возрасте 15–24 лет в наибольшей степени характерны показатели миграционной активности (*Саксельцева, 2016*).

Обращаясь к проблеме эмиграции молодежи, следует заметить, что ученые по-разному относятся к этому явлению, но самое важное здесь то, что интеллектуальный поток из России представлен наиболее образованными и талантливыми молодыми людьми, имеющими возможность мигрировать из страны (*Дергунова, 2014*). Принимает же Россия совершенно иного качества население из других стран, прежде всего, азиатских, и, конечно же, стоит задуматься о неравнозначности такого обмена в ходе развития миграционных процессов и интеллектуальной безопасности российского общества (*Верещагина, 2016*).

Понятно, что молодежь за границей привлекает хорошая оплата труда, хорошие условия труда, перспективы профессионального роста и профессиональной самореализации. Разве можно отказать в здравом уме той части молодежи, которая, имея возможность получить все эти профессионально-трудовые блага, которых она

лишена здесь, покидает страну? Думается, что в этой ситуации продуктивнее будет не обвинение в адрес молодежи и не критика ее поведения, которое в этой ситуации многими расценивается как антипатриотичное, а стремление создать все необходимые условия здесь, в России для эффективной профессиональной адаптации и самореализации молодежи.

Из всего вышесказанного мы можем сделать ключевой вывод о том, что изменившиеся реалии современного рынка труда и трудовых отношений, в которых такие явления как прекариатизация труда и в целом нестандартная занятость не только выступают закономерным следствием трансформации всей системы труда (Бобков, 2014), но и доминантным вектором дальнейшей логики развития сферы трудовых и профессиональных отношений, ставят на повестку дня пересмотр таких ключевых понятий и явлений, как профессионализация и депрофессионализация.

В условиях, когда «труд ради работы», распространяясь и определяя динамику прекаризации, сменяет прежнюю, экзистенциальную формулу труда, символизируя его жесткую инструментализацию, объясняющую постепенное исчезновение из профессионально-трудовой практики понятия «профессия на всю жизнь», меняются и оценочные суждения о профессии, ее роли в жизни человека, мотивации ее выбора, а также восприятие таких понятий, как профессионализм и профессионализация. И ярче всего эта смена ценностных приоритетов и поведенческих установок в сфере труда и профессионализации проявляется в молодежной среде.

Литература

1. Аникин В.А. Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 44-63.
2. Блинова Т.В., Вьяльшина А.А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 61-72.
3. Бедрик А.В., Зарбалиев В.З. Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). С. 38-50.
4. Верецагина А. В., Самыгин С. И., Имгрунт С. И. Интеллектуальная безопасность России в условиях кризиса научно-образовательной сферы и роста социального неравенства // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 52-65.
5. Гнатюк М.А., Хоровинников А.А., Самыгин С.И. Проблемы положения российской молодежи на современном рынке труда: определяющие факторы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 2.
6. Гневашева В.А. Молодежь России: особенности профессионального становления. М., 2012. 331 с.
7. Дергунова Н.В., Лукичева Л.Ю. Образовательный капитал как фактор эмиграции выпускников российских провинциальных вузов (на примере Ульяновского государственного университета) // Власть. 2014. № 12. С. 35-39.
8. Илюхин А.А., Илюхина С.В. Профессиональная ориентированность молодежи и сбалансированность рынка труда // Интерактивная наука. 2016. №1. С. 124-126.
9. Кравченко Л.И. Взгляд на российскую молодежь — какое будущее ждет Россию? Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/vzglyad-na-rossiyskuyu-molodej--kakoe-buduschee-jdet-gossiyu>
10. Колесник Е.А. Проблемы формирования и развития молодежного рынка труда России: институциональный аспект // Вестник ЧелГУ. 2015. №26 (381). С. 131-136.
11. Макарова С.Н. Основные подходы к исследованию взаимосвязи понятий «профессиональная социализация» и «профессионализация» // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28018>.
12. Морозова Я.В. Профессиональная компетентность российской молодежи в условиях новой социальной реальности: методологические приоритеты исследования // ИСОМ. 2015. №3. С. 126-130.
13. Омельченко Е., Сабирова Г., Крупец Я. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // INTER. 2015. №. 10. С. 9-25.
14. Орехова И.М. Альтернативные формы занятости как способ адаптации к изменениям экономической ситуации на российском рынке труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 108-112.

15. Пальчук М.И. Современные ориентиры молодежной занятости // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. №3 (27). С. 29-38.
16. Прохоров А.В. Детский университет как инструмент ранней профориентации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. №13. С. 25-30.
17. Пухова А.Г., Беяева Т.К., Толкунова С.Г., Курбатова А.С. Современный молодежный рынок труда: проблемы и пути их решения // Госсоветник. 2018. №2 (22). С. 5-9.
18. Саксельцева Л.Я., Тарский Ю.И. Проблемы занятости и трудоустройства молодежи в фокусе социологии // Вестник ПАГС. 2016. №4 (55). С. 85-91.
19. Семенова Л.А. Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология (Выпуск 1). Издательство ВАГС. 2009. №1. С.41-49.
20. Степочкина Е.А. Институциональная составляющая профессиональной подготовки кадров: тенденции и инновации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. №31. С. 61-66.
21. Филимонова Е.А. Проблема адаптации студентов к будущей профессии в рамках реализации образовательных программ // Вестник СИБИТа. 2017. №2 (22). С. 136-141.
22. Fadeeva I.M. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 108-113.
23. Цвык В. А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. 2003. Серия «Социология». № 4. С. 258-269.
24. Bobkov V., Csoba J., Herrmann P. (eds.) Labour Market and Precarity of Employment: Theoretical Reflections and Empirical Data from Hungary and Russia. Bremen: Wiener Verlag fuer Sozialforschung, 2014, 264 p.
25. Vereshchagina A., Volkov Yu., Krotov D. & Ukolov R. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, P. 88-95.

References

1. Bedrik A.V. Zarbaliev V.Z. (2018). Factors of youth extremism distribution in the South of Russia at the present stage // Caucasian Science Bridge. Vol. 1, No. 1, P. 38-50.
2. Vereshchagina, A., Volkov, Yu., Krotov, D. & Ukolov, R. (2015). Labor socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, P. 88-95.
3. Gnevasheva V.A. (2012). Youth of Russia: peculiarities of professional formation. M.
4. Makarova S. N. (2018). The main approaches to the study of the relationship of the concepts of "professional socialization" and "professionalization". Modern problems of science and education. № 5. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28018>
5. Semenova L.A. (2009). Entering the profession and some socio-professional orientations of young people. Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Service. Series: Political Science and Sociology, No. 1.
6. Filimonova E.A. (2017). Problem of students' adaptation to the future profession within the framework of educational programs implementation // Vestnik SIBIT, No. 2 (22), P. 136-141.
7. Fadeeva I.M. (2014). Professionalization and deprofessionalization in modern Russian society: a sociologist's view. Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences, No. 1 (33), P. 108-113.
8. Tsvyk V.A. (2003). Professionalization as a social process // Vestnik RUDN. Series Sociology. No. 4, P.258-269.
9. Ilyukhin A.A., Ilyukhina S.V. (2016). Professional orientation of young people and the balance of the labor market. Interactive Science, No. 1, P. 124-126.
10. Morozova Y.V. (2015). Professional competence of Russian youth in the conditions of the new social reality: methodological priorities of research. ISOM, No. 3, P. 126-130.
11. Stepochkina E.A. (2011). Institutional Component of Professional Training: Trends and Innovations. National Interests: Priorities and Security, No. 31, P. 61-66.
12. Prokhorov A.V. (2018). Children's university as a tool for early career guidance. Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences, No. 13, P. 25-30.
13. Kravchenko L.I. A glance at the Russian youth - what future awaits Russia? Available at: <http://rusrand.ru/docconf/vzglyad-na-rossiyskuyu-molodej--kakoe-buduschee-jdet-rossiyu>
14. Omelchenko E., Sabirova G., Krupets Y. (2015). Social mobility of youth in the focus of triple reflection // INTER, No. 10.
15. Orekhova I.M. (2015). Alternative forms of employment as a way to adapt to changes in the economic situation in the Russian labor market. Theory and practice of social development. No. 24.

16. Anikin V.A. (2018). Employment in post-crisis Russia: the role of settlement inequalities. Bulletin of the Institute of Sociology, No. 27.
17. Blinova T.V., Vyalshina A.A. (2018). Structure of informal youth employment in the Russian labor market. Sociological Studies, No. 4.
18. Palchuk M.I. (2017). Modern reference points of youth employment // Vocational Education in Russia and abroad. No. 3.
19. Gnatyuk M.A., Horovinnikov A.A., Samygin S.I. (2018). Problems of Russian Youth in the Modern Labor Market: Determinants // State and Municipal Management. Academic notes of SKAGS, No. 2.
20. Pukhova A.G., Belyaeva T.K., Tolkunova S.G., Kurbatova A.S. (2018). Modern youth labor market: problems and ways of solving them // Gosovetnik, No. 2 (22).
21. Kolesnik E.A. (2015). Problems of formation and development of the youth labor market in Russia: the institutional aspect // Bulletin of ChelGU, No. 26 (381), P. 131-136.
22. Sakseltseva L.Y., Tarskii Y.I. (2016). Problems of employment and youth employment in the focus of sociology // Vestnik PAGSU, No. 4 (55).
23. Dergunova N.V., Lukicheva L.Y. (2014). Educational capital as a factor of emigration of graduates of Russian provincial universities (on the example of Ulyanovsk State University) // Power, No. 12, P.35-39.
24. Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt, S.I. (2016). Intellectual Security of Russia in the Crisis of Scientific and Educational Sphere and Social Inequality Growth // Humanitarian of the South of Russia, No. 2, P. 52-65.
25. Bobkov V., Csoba J., Herrmann P. (eds.) (2014). Labor Market and Precarity of Employment: Theoretical Reflections and Empirical Data from Hungary and Russia. Bremen: Wiener Verlag fuer Sozialforschung, 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мухина Кристина Сергеевна

Аспирант

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: 1892989m@gmail.com

Mukhina Kristina Sergeevna

Postgraduate Student

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: 1892989m@gmail.com

Поступила в редакцию

8 сентября 2019 г.

УДК 316

**Жизненное проектирование молодежи в условиях информационной эпохи:
особенности научного дискурса****М.В. Герасимов***Южный федеральный университет,**Г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В данном исследовании рассматривается жизненное проектирование молодежи как предмет научного дискурса, сформировавшийся под влиянием факторов информационной эпохи, значительно изменившей представления о жизненных проектах и в сознании молодежи и в научном дискурсе. В статье обосновывается, что определяющее значение в рамках жизненного проектирования индивида имеет стадия молодости. Именно в этот возрастной период осуществляется выработка определенной жизненной позиции на основе усвоенных социальным актором базовых общественных ценностей и приобретенных навыков социального взаимодействия, определяются основополагающие жизненные цели и планы, осуществляется жизненное проектирование в значимых для личности сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: жизненное проектирование; молодежь; жизненные стратегии; жизненные планы; риск; неопределенность; молодость; юность.

Для цитирования: Герасимов М.В. Жизненное проектирование молодежи в условиях информационной эпохи: особенности научного дискурса // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2. №4. С. 36-43.

Life projection of youth in the information age: peculiarities of scientific discourse**Maxim V. Gerasimov***Southern Federal University,**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. This study examines the life design of young people as a subject of scientific discourse, formed under the influence of factors of the information age, which has significantly changed the notions of life projects in the minds of young people and in scientific discourse. The article substantiates that the stage of youth has a decisive importance in the framework of life projection of an individual. It is in this age period when a certain life position is developed on the basis of assimilated by a social actor basic social values and acquired skills of social interaction, fundamental life goals and plans are determined, life design in the spheres of life activity significant for an individual is carried out.

Keywords: life design; young people; life strategies; life plans; risk; uncertainty; youth; adolescence.

For citation: Gerasimov M. V. Life projection of youth in the information age: peculiarities of scientific discourse // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. №4. P. 36-43.

Современная молодежь живет в уникальном мире с уникальными возможностями. Да, этот мир нестабилен, небезопасен, полон неопределенности, но он глобализируется, границы человеческих возможностей в эпоху цифровизации значительно расширяются, и молодежь становится более открытой миру, ощущая свои возможности самоуправления границами собственной жизни, однако, самореализация и самоутверждение в таком мире требуют от индивида особых качеств и способностей, особых стратегий и характеристик, связанных с категориями социальной активности, подвижности, оптимизма, мобильности как символа современного «мобильного мира» (Петренко- Лысак) и, в целом, субъектности.

Отталкиваясь от сложившейся в целом в России ситуации, характеризующейся жизненной неустроенностью молодежи и отнесением ее к группе наивысшего риска среди остальных социальных групп в мире социально-профессионального становления (Константиновский, 2016), семейной самореализации (Верещагина, 2016), закономерно поставить вопрос о субъектности молодежи. Данные социологических исследований характеризуют российскую молодежь как пассивную и инициативную, социально незрелую (инфантильную) (Демиденко, 2018), что говорит о дефиците ее

субъектности. Это проявляется в неспособности молодежи к активной социальной позиции, осознанному выбору профессиональной деятельности, проектированию своих жизненных планов и способов их реализации.

Острая социальная потребность в решении данной проблемы определила наш исследовательский ракурс, связанный с обращением к жизненному проектированию молодежи.

Человеческий жизненный путь, в сущности, и есть путь самосозидания, состоящий из целого ряда этапов, на каждом и которых каждый раз осуществляется тот или иной выбор. Каждый раз человек вынужден самоопределяться, чтобы определить свой жизненный путь, самого себя в жизненном мире, который есть результат индивидуального жизненного пути.

Таким образом, основой жизненного проектирования выступает самоопределение, которое, в свою очередь, является выражением субъектности личности, а также ее уникальности как той, которая выстраивает собственный жизненный путь, по которому должна пройти только она, опираясь на жизненные ценности и приоритеты, установки и ориентации.

В условиях современного информационного общества происходит расширение возможностей человека: он, как утверждает Н.Г. Бухарцева, может манипулировать собственными границами – как телесными, так и личностными (Бухарцева, 2013). Проектирование, по Сартру, представляет собой необходимость самоосуществления личности - личности творческой и свободной личности (Сартр, 1989). Надо заметить, что проектирование в начале третьего тысячелетия уже не носит характера индивидуального выбора. Как справедливо отмечает З. Бауман, оно стало особенностью и даже необходимостью современной жизни (Бауман, 2008). Иными словами, речь идет об обязательности самоопределения как основания проектирования своей жизни.

Из сказанного следует, что самоутверждение человека в условиях современного общества, характеризующегося изменчивостью и неустойчивостью, с присущими ему ситуациями риска и неопределенности предусматривает принятие условий функционирования данного общества, приобретение умений к тому, чтобы меняться самому и быть достаточно мобильным для того, чтобы реагировать на постоянные изменения существующих внешних условий. В таком случае человеческая жизнедеятельность становится пространством, наполненным широкими возможностями и перспективами, в рамках которого происходит осуществление индивидом определенного жизненного выбора, выступающего в качестве основы построения и реализации сменяющихся друг друга самопроектов.

Термин «самопроектирование» в настоящее время широко используется в ряде исследований: самопроектирование, в частности, рассматривается как важный элемент социализации, способ актуализации определенных способностей и качеств личности. Самопроектирование есть процесс самостроительства, в котором всегда определяющей выступает деятельностная сторона при значимых процессах самоидентификации, стремления к структурно-логической упорядоченности, иерархичности, объектности.

Процесс самопроектирования основывается на определенных ценностях, регулирующих и определяющих жизнедеятельность человека, производимый им выбор тех или иных поступков и вариантов поведения и их практическую реализацию. В данном контексте проектирование может рассматриваться как процесс создания прообраза определенного предполагаемого или возможного состояния или объекта.

Поиск индивидом себя в мире, своего места в нем, соотнесение намеченных целей с имеющимися у индивида ресурсами и условиями для решения поставленных

задач в ходе жизненного проектирования происходит в период молодости. Она, в сравнении с юностью, характеризуется большей стабильностью положения индивида, когда уже в сознании человека сформировались определенные установки, ценности, жизненные цели, выступающие ориентиром для социальной деятельности и самореализации. В этот период у молодого человека уже имеются относительно четкие представления о мире – внешнем и своем внутреннем, уже накопился определенный (событийный) жизненный опыт, произошли некоторые личностные изменения, что, в совокупности, становится базой для реализации экзистенциального проекта. Однако пик его реализации приходится, как правило, на период зрелости.

Таким образом, молодость как возрастной этап жизни человека имеет важное значение для его жизненного проектирования, так как на этой стадии осуществляется дополнение созданного на предыдущих стадиях человеческой жизнедеятельности проекта, а также его совершенствование.

Заслуживает внимания точка зрения Д.К. Шигаповой. Социолог выделяет структуру жизненного проекта, куда включает такие его характеристики, как "цель, ресурсы, траектория и вектор движения" (*Шигапова, 2007*). Но это только общая схема. Любой проект начинается с постановки индивидуальной цели, которая, вне всяких сомнений производна от целого ряда внешних, но главное, внутренних факторов, которые оказывают воздействие на ценностную сферу социального актора, преобразуя её исходя из возможностей, что возникают в процессе социальной деятельности. Ресурсы – это субъекты, объекты или предметы, которые способны оказывать влияние на процесс постановки или достижения цели. Траектория, вектор движения представляют собой перемещения в социальном пространстве, которые необходимы для достижения цели и становятся возможными благодаря наличию определенного рода социальных ресурсов. Применяя эти характеристики, Д.К. Шиганова выделяет две разновидности жизненных проектов: сбалансированный и дефицитарный. Первый достигается на основе рациональных типов поведения, а второй определяется иррациональными моделями.

Жизненные проекты реализуются в процессе и на основе жизненного проектирования. Мы солидарны с позицией Ш.И. Алиева о том, что понятие «жизненное проектирование» является наиболее адекватным для отражения процесса формирования молодежью представлений о своем будущем. В рамках предложенной Ш.И. Алиевым теоретической конструкции фигурирует такое понятие, как система жизненного проектирования. Ее данный ученый определяет через совокупность связанных между собой жизненных проектов. На этом основании жизненное проектирование предстает в виде подсистемы, от которой зависит формирование жизненного мира индивида как целостной системы (*Алиев, 2016*).

Система жизненного проектирования имеет специфическую структуру, с точки зрения Алиева включающую в себя внешнюю (уровневую) и содержательную составляющие этой структуры. В качестве отправного элемента внешней структуры выступают жизненные цели, являющиеся своего рода ориентирами на жизненном пути человека и его отдельных этапах. В специальных исследованиях жизненные цели личности рассматриваются как проекция желаемого будущего, в рамках которой задается направление и ключевые принципы социального поведения в долгосрочной перспективе (*Митрюшин, 2008*). Если абстрактные цели бывают, как правило, долгосрочными, и могут оставаться неизменными в течение всей человеческой жизни, то конкретные цели характеризуются большим динамизмом и изменчивостью (в системе жизненного проектирования находят отражение как абстрактные, так и конкретные цели).

Исследователи употребляют разные термины, описывая цели человека в жизненном проектировании. Так, ряд исследователей употребляют термин «индивидуальные жизненные цели», связывая их с временной перспективой, с ощущением движения времени в сознании индивида. Субъективные особенности течения времени имеют свои особенности: если физическая жизнь течет по направлению от прошлого к будущему, то индивидуальное время на уровне субъективного восприятия движется в направлении от субъективного будущего через настоящее к прошлому. Таким образом, отправным пунктом индивидуального времени становится будущее, а само время - обратимым. Будущее в координатах таких размышлений становится фундаментом конструктивного поведения и жизненной самореализации личности, пространством мотивации ее жизнедеятельности. В этом пространстве находятся те самые индивидуальные цели, которые отражают желаемый для личности результат его жизнедеятельности. Именно разница между тем, каким видится будущее и реальное состояние, положение индивида становится мотиватором его поведенческой модели, стратегий поведения в жизни. При этом формируемые в сознании индивида образы будущего детерминированы как внутренними условиями (возрастными особенностями, спецификой когнитивных процессов, системой потребностей и интересов личности, родом его деятельности, уровнем духовной организации), так и внешними условиями, или задачами развития, задаваемыми обществом (Иванов, 2008).

Таким образом, жизненные планы, в целом, понимаются как определяемая индивидом совокупность и последовательность целей на жизненном пути и способов их реализации. В системе жизненного проектирования они играют роль своеобразного самопрогноза, который включает в себя те или иные цели и задачи, которые ставятся индивидом и определенным образом решаются в течение его жизни. Жизненные планы рассматриваются в качестве средств реализации жизненных целей как базовых ориентиров жизненного пути к достижению желаемого будущего.

Еще одним элементом в структуре жизненного проектирования являются жизненные притязания. Уровень притязаний как конкретное выражение величины самостоятельно и добровольно выбранных индивидом модификаций потребности отражает комплекс ожиданий индивида, который он установил для себя и намерен достичь. С этой точки зрения жизненные притязания молодежи выступают важным индикатором ее жизненной позиции, социальной активности и возможных перемен в обществе (Магун, 2003). Можно констатировать, что жизненные притязания как элемент системы жизненного проектирования представляют собой определенный устанавливаемый индивидом и ожидаемый им стандарт достижения, своего рода модель успешности.

В качестве обобщающего элемента в системе жизненного проектирования выступают жизненные стратегии. Они представляют собой динамичное явление, отражающее перспективное и долговременное ориентирование субъекта в его будущей жизнедеятельности. В рамках такого подхода значение жизненных стратегий состоит в ориентировании и направлении личности в течение длительного временного периода; жизненные стратегии представляют собой некое идеализированное отражение будущей жизни человека, обобщенное выражение способов, путей реализации определенного социального положения.

С точки зрения Ю.А. Зубок, формирование жизненных стратегий молодежи в современном российском обществе осуществляется в условиях неопределенности и риска: условия нестабильности функционирования социальной системы имеет неизбежным следствием рост неопределенности в поведении человека в рамках построения им своей жизненной стратегии (Зубок, 2003). Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают,

что в условиях неопределенности происходит утрата основы предвидения и прогнозирования как определенного, так и ближайшего будущего, что имеет самое непосредственное отношение к жизненному проектированию. В сложившейся ситуации неопределенность «смыкается с непредсказуемостью», а рациональность выбора в различных сферах общественной жизни «ставится под сомнение». Вместо этого «выбор превращается в мало обоснованное гадание, когда лишь ограниченные возможности и собственная интуиция оказываются ведущими факторами социального взаимодействия» (Зубок, 2008).

Содержательную структуру системы жизненного проектирования образуют самоидентификация индивида и его жизненные ресурсы. Процесс самоидентификации включает осознание человеком своего места в мире, выработку определенной позиции, оказывающей непосредственное воздействие на жизненное проектирование (Чигрин, 2018). В результате самоидентификации формируется представление человека об имеющихся у него способностях, знаниях, умениях и навыках, составляющих основу жизненных ресурсов человека, на основе которых осуществляется жизненное проектирование. В качестве важных элементов структуры системы жизненного проектирования выделяются также ценностные ориентации, потребности, мотивации и жизненные нормы индивида.

Для всей рассматриваемой системы жизненного проектирования характерен динамизм, предусматривающий отдельные трансформации различных элементов данной системы, происходящие в течение жизни человека. Очевидно, что начало формирования системы жизненного проектирования индивида относится к стадии детства и отрочества или подростковому периоду, совпадая с так называемой первичной социализацией. На данном этапе происходит осознание социализирующимся субъектом своих основополагающих потребностей и интересов, характеризующихся определенными отличиями от аналогичных потребностей и интересов других субъектов. В то же время данный этап характеризуется высокой степенью неопределенности формирующихся жизненных проектов, которые могут неоднократно изменяться.

На стадии молодости человек, усвоив базовые общественные ценности и приобретая навыки социального взаимодействия, вырабатывает собственную жизненную позицию, которая находит отражение в его жизненном проектировании. На рассматриваемой стадии индивидом делается выбор в пользу того или иного учебного заведения, в котором он получает образование, осуществляется выбор профессии и места работы, а также формируется определенная семейная стратегия. Наряду с этими основополагающими областями человеческой жизнедеятельности в период молодости индивидом могут ставиться и реализовываться определенные жизненные цели и планы, связанные со спортом, осуществляться жизненное проектирование в данной сфере.

Итак, жизненный мир, жизненное проектирование, жизненные проекты – категории социологической науки, все чаще попадающие в фокус социологического внимания и дискурса в самых различных ракурсах, в отношении различных социальных групп (Алиев, 2015) (Сердюченко, 2017). Являясь предметным полем феноменологического направления в социологии (Шюц, 2003), указанные категории привлекают к себе внимание исследователей, работающих в методологической парадигме социологии жизни (Тощенко, 2017) и осознающих, с одной стороны, их значимость в социокультурной динамике общества, в котором сама реальность предстает как конструируемая в зависимости от восприятия этой реальности, а, с другой, - изменение самого механизма конструирования жизненного мира как целостности, разрыв которой означает негативный сценарий развития индивида, социальной группы.

По сути, жизненный мир – энергетическое поле человека, его среда, его защита, условие и основание развития, но в условиях современного информационного общества распад жизненного мира как целостности наиболее часто угрожает индивидам и социальным группам, поскольку современный мир стал неустойчивым, стремительно меняющимся, наполненным рисками и неопределенностью. Самореализация и самоутверждение в таком мире требуют от индивида особых качеств и способностей, особых стратегий и характеристик, укладывающихся в категорию мобильности как важнейшего индикатора современной компетентности и современности в принципе.

Итоговые выводы. В различных подходах и интерпретациях жизненного мира индивида центральной категорией выступает целостность, в которой отражаются глубинные смыслы бытия человека. И жизненные проекты являются элементом, структурирующим и задающим вектор динамики этой целостности – жизненного мира, многообразие которого можно изучать по-разному, но в рамках социологической рефлексии целесообразно это делать через анализ жизненных планов и проектов различных социальных групп.

Молодежь как социально-демографическая группа, находящаяся на грани двух специфических миров – мира детства и мира взрослых, имеет особый статус в социологических исследованиях. Его можно условно назвать прогностическим, поскольку устремленная в будущее, планирующая свое настоящее как проекцию будущих шагов в различных сферах жизнедеятельности (семейной, образовательной, профессионально-трудовой и т.д.), молодежь, тем самым, задает индикаторы будущего состояния локального и макросоциального мира. И потому представления о мире, которые отражаются в жизненном мире молодежи, ее планы в проекции видения своего будущего (или отсутствия такового, что зачастую характеризует современную молодежь и находит выражение в коротких жизненных проектах) (Кривошеев, 2009) представляют чрезвычайный научный интерес и значимость с точки зрения получения социального знания не только о молодежи как субъекте общественных отношений, но и обществе, в котором она реализует свою субъектность в виде формирования и претворения в жизнь своих планов и проектов.

Таким образом, жизненный мир молодежи, его формирование и изменение не только отражают реалии социокультурного бытия социума, но и позволяют заглянуть за пределы настоящего и сформировать возможные сценарии будущей траектории социокультурной динамики общества. Будущее предсказуемо, прогнозируемо, во всяком случае, на уровне возможных альтернатив (моделей, сценариев) развития (Волков, 2017), а, значит, оно управляемо.

Литература

1. Алиев Ш. И. Молодежь как субъект жизненного проектирования в условиях российской реальности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 9-16.
2. Алиев Ш. И. Жизненное проектирование российской молодежи в условиях вызовов и рисков информационной эпохи // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 142-151.
3. Алиев Ш.И. Риски в системе жизненного проектирования российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. Т. 3. С. 49-53.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. Бухарцева Н.Г. Самопроектирование: единство самореализации и развития внутреннего мира личности // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 22-24.
6. Верещагина А.В. Демографическая безопасность России: монография / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, П.В. Станиславский; под ред. Самыгина П.С. М.: РУСАЙН, 2016. 116 с.
7. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект : монография / Ю.Г. Волков. Москва : КНОРУС, 2017. 178 с.
8. Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 3. С. 143-149.

9. *Зубок Ю.А.* Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42-51.
10. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности: Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. 272 с.
11. *Иванов М.С.* Удовлетворенность самореализацией и ее обусловленность социальной значимостью достижений // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 42-45.
12. *Константиновский Д.Л.* Новая молодежь в новой реальности образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. М.: Центр социологических исследований, 2016. С. 106-162.
13. *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 57-67.
14. *Магун В.С., Энговатов М.В.* Жизненные притязания различных социальных групп молодежи // Молодежь Саратовской области в 2002 г., Саратов, 2003. С. 194-223.
15. *Митрюшин С.А.* Жизненные цели студенческой молодежи как регулятор социального поведения: Автореферат диссертации кандидата социологических наук, М., 2008. 10 с.
16. *Мухина К.С.* Депрофессионализация российской молодежи: институциональные факторы воспроизводства // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 242-250.
17. *Петренко-Лысак А.А.* Homo Mobilis в транзит(ив)ном потоке мобильных коммуникаций. Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/10/3/Petrenko-Lysak.pdf>
18. *Сартр Ж-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. С. 319-344.
19. *Сердюченко Я.В.* Факторы формирования жизненного мира молодой семьи в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. №3. С. 249-253.
20. *Тощенко Ж. Т.* Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. № 5. С. 13-28.
21. *Чигрин В.А., Городецкая Е.Г.* Идентичность: особенности социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2018.1(2). С. 71-78.
22. *Шуганова Д.К.* Реализация жизненных проектов (социологический этюд) // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2007. №1. С. 48-53.
23. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

References

1. Aliev Sh. I. (2018). Youth as the subject of life design in the conditions of Russian reality. Socio-humanitarian knowledge, 7, P. 9-16.
2. Aliev Sh. I. (2016). Life design of the Russian youth in the conditions of challenges and risks of the information era. Humanitarian of the South of Russia, 1, P. 142-151.
3. Aliev Sh.I. (2015). Risks in the system of life design of Russian youth. Humanities, socio-economic and social sciences, 11 (3), P. 49-53.
4. Bauman Z. (2008). Current modernity. St. Petersburg: Peter, 240 p.
5. Bukhartseva N.G. (2013). Self-projecting: the unity of self-realization and development of the inner world of the individual. Pedagogical Education in Russia, 1, P. 22-24.
6. Vereshchagina A.V. (2016). Demographic security of Russia, Moscow: RUSIGN, 116 p.
7. Volkov Y.G. (2017). Sociology of the Future: Sociological Knowledge and Social Project: monograph. Moscow: KNORUS, 178 p.
8. Demidenko A.S. (2018). Social infantilization of Russian youth: specificity of scientific discourse. Historical and Socio-Educational Thought, 3, P. 143-149.
9. Zubok Y.A. (2003). Problems of social development of youth under risk. Sociological Studies, 4, P. 42-51.
10. Zubok Y.A., Chuprov V.I. (2008). Social regulation in conditions of uncertainty: Theoretical and applied problems in the study of youth. M., 272 p.
11. Ivanov M.S. (2008). Satisfaction with self-actualization and its dependence on the social significance of achievements. Siberian Psychological Journal, 27, P. 42-45.
12. Konstantinovsky D.L. (2016). New youth in the new reality of education. Education and science in Russia: state and potential of development. Collection of scientific works. Moscow: Center for Sociological Research. P.106-162.
13. Krivosheev V.V. (2009). Short life projects: the manifestation of anomie in modern society. Sociological Studies, 3, P. 57-67.
14. Magun V.S., Engovatov, M.V. (2003). Life aspirations of various social groups of youth. Youth of the Saratov region in 2002, Saratov, P. 194-223.

15. Mitrushin S.A. (2008). Life goals of student youth as a regulator of social behavior: Abstract of the dissertation of the candidate of sociological sciences, Moscow, 10 p.
16. Mukhina K.S. (2017). Deprofessionalization of Russian youth: institutional factors of reproduction // Humanitarian of the South of Russia, 6, P. 242-250.
17. Petrenko-Lysak, A.A. Homo Mobilis in the transit(iv)n stream of mobile communications. Available at: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/10/3/Petrenko-Lysak.pdf>
18. Sartre J-P. (1989). Existentialism is Humanism. Twilight of the Gods. Moscow: The Publishing House of Political Literature, P. 319-344.
19. Toshchenko J.T. (2017). Meanings as a qualitative and essential characteristic of the sociology of life. The Humanitarian of the South of Russia, 5, P. 13-28.
20. Shigapova D.K. (2007). Realization of Life Projects (Sociological Sketch). Bulletin of the Kazan State Financial-Economic Institute, 1, P. 48-53.
21. Chigrin V.A., Gorodetskaya E.G. (2018). Identity: features of sociological discourse. Caucasian Science Bridge, 1(2), P. 71-78.
22. Serdyuchenko Y.V. (2017). Factors of formation of the life world of a young family in the Rostov region. State and Municipal Management. Academic notes of SKAGS, 3, P. 249-253.
23. Schutz A. (2003). The Meaningful Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Герасимов Максим Васильевич

Соискатель

Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,

E-mail: m.gerasimov@ro.ru

Gerasimov Maxim Vasilyevich

Applicant

Institute of sociology and regional studies,
Southern federal university,

E-mail: m.gerasimov@ro.ru

Поступила в редакцию

16 сентября 2019 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация Название организации Город Страна
Аннотация (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, (<i>Anna V. Ivanova</i>) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru , при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN. Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (<i>FGBNU, FGBOU VPO</i>).
Аннотация на английском языке (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова на английском языке Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в *APA formatting and style guide* можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода рус-

скоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail**: csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.